А-550
273779

Х. Д. Алчевская.

Передуманное и пережитое.

1911
2039 а/к

Дневники,
письма,
воспоминанія.

V.N. KARAZINE KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY
0 006684 2 8

198-11

58

А-550 п.п.

12.IV
824.

Х. Д. Алчевская.

Передуманное
и
пережитое.

1912
2039 а/к

Н оверег
ЦНБ 19..

Центральна наукова бібліотека
Інв. № 273779

Дневники,
письма,
воспоминанія.

Центральна наукова бібліотека

58

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

Распорядительная комиссія по устройству чествованія 50-лѣтія педагогической и просвѣтительной дѣятельности Х. Д. Алчевской постановила издать сборникъ статей Христины Даниловны. Рукописный матеріалъ, предоставленный въ наше распоряженіе, оказался столь обширнымъ, что лишь незначительная часть его входитъ въ предлагаемую книгу. Мы старались выбрать матеріалъ такимъ образомъ, чтобы онъ характеризовалъ какъ разные годы жизни Христины Даниловны, такъ и разныя стороны ея дѣятельности, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ итогѣ нарисовался образъ этой женщины сильнаго духа и горячаго сердца, отдавшей 50 лѣтъ неустанной энергіи и упорнаго труда на служеніе дѣлу народнаго образованія.

Цѣнную особенность предлагаемаго матеріала составляетъ, на нашъ взглядъ, то, что весь онъ не имѣлъ ввиду быть напечатаннымъ — все это дневники, замѣтки, впечатлѣнія, писавшіеся или для себя, или для тѣснаго кружка друзей и сотоварищей по дѣлу. Въ книгу входятъ отрывки изъ школьнаго дневника за разные годы, дневникъ объ уходѣ за ранеными во время Турецкой войны, воспоминанія о встрѣчѣ съ нашими выдающимися писателями, впечатлѣнія жизни въ деревнѣ, отрывки изъ описанія поѣздокъ въ Петербургъ и Москву, докладъ о пребываніи на всемірной Парижской выставкѣ 1889 года, замѣтки, посвященныя памяти усопшихъ дѣятелей по народному образованію, описанія школьныхъ праздниковъ, письмо и замѣтка, говорящія объ отношеніи къ Украйнѣ.

Эти непосредственныя, образныя страницы нарисуютъ передъ вами замѣчательную жизнь — жизнь истиннаго общественнаго дѣятеля, втеченіе полувѣка не отступившаго ни на шагъ отъ лучшихъ завѣтовъ, вынесенныхъ на зарѣ жизни изъ свѣтлой эпохи 60-хъ годовъ.

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.

1862 г.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Изъ дневника 1871—72 года.

22 августа 1871 года.

Умерла Марія Носенкова, и невозможно вспомнить безъ грусти причину этой ранней смерти. Носенкова поступила въ школу почти съ начала ея существованія, умѣя хорошо читать и писать, и была опредѣлена въ старшій классъ. Въ школѣ она бывала весьма аккуратно съ подругой своей Красюковой, тоже дѣвушкой лѣтъ 15—16, пожертвовавшей въ пользу школы нѣсколько линеекъ отъ брата своего, столяра. Носенкова была любимицей учительницы старшаго класса и вообще вызывала симпатію и участіе выраженіемъ своего блѣднаго, задумчиваго лица. Она обыкновенно просила «книжечку погрустнѣе» или «описаніе страданій великомученицъ Варвары, Екатерины» и т. д. Я поинтересовалась узнать домашнюю обстановку Носенковой и узнала слѣдующее: мать Носенковой, такая же блѣдная и болѣзненная женщина, шьетъ шубы; отецъ—пьяница, отъ котораго тщательно прячется чужая работа, чтобы онъ ее не пропилъ; шестеро малолѣтнихъ дѣтей на иждивеніи двухъ женщинъ—сестры и матери,—понятно, сколько труда выпадало на ихъ долю. «И сама вижу,—говорила мнѣ мать глубоко печальнымъ голосомъ,—что заѣдаемъ мы ея жизнь этой работой, да некуда податься!»

Дѣйствительно, податься было некуда, и кончилось такъ, какъ и слѣдовало ожидать: побои и брань пьянаго отца, страданія болѣзненной матери, плачъ голодныхъ дѣтей,—все это въ придачу къ тяжелому труду надорвало-таки силы 16-лѣтняго организма. Вѣроятно, школа являлась для нея единственнымъ мѣстомъ отдыха—недаромъ она такъ любила ее. И для

одной ли Носенковой является она успокоеніемъ,—мало ли труженицъ, для которыхъ существуютъ два пути: одинъ погибать физически въ нищетѣ, другой погибать нравственно въ роскоши. Къ несчастью, двѣ подобныхъ смерти почти совпали на нашихъ глазахъ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась у насъ ученица лѣтъ 15—16, поразительной красоты, въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Когда я подошла къ ней, она отозвала меня всторону и съ лицомъ, вспыхнувшимъ до бровей, сказала тихо взволнованнымъ голосомъ, опустивши глаза:

— У меня есть женихъ, и не хочетъ жениться иначе, какъ чтобы я была грамотная... Можете вы меня выучить мѣсяца въ два?—Я дала ей слово и старалась всячески обласкать и успокоить.

Способности оказались блестящія, прилежаніе невообразимое. Видя ее у пристани, я старалась убѣдить не бросать школы, достигнувши цѣли, искренно интересуясь послѣдующей судьбой моей красавицы, но увѣщанія оказались напрасны — она исчезла съ послѣдней буквой азбуки.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я была въ театрѣ въ клубѣ: мѣста были очень дороги — 5 рублей первый рядъ, поэтому мы взяли въ четвертомъ ряду. Я смотрѣла разсѣянно на проходящихъ впередъ дамъ. Вдругъ взглядъ мой остановился на входящей въ театръ женщинѣ: на ней было надѣто гласе палевое платье, бархатный бурнусъ висѣлъ на рукѣ, на головѣ была прелестная кружевная шляпа, и все это такъ бросалось потому, что было надѣто на красавицѣ: ея темно-русые волосы локонами спускались по плечамъ, окаймляя прелестное, свѣжее личико; черные глаза казались еще глубже, еще выразительнѣе при вечернемъ освѣщеніи. Всѣ головы повернулись къ ней; нѣсколько сконфуженно прошла она въ первый рядъ креселъ. Я не вѣрила глазамъ — это была моя ученица, моя 15-лѣтняя дѣвочка въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ.

Не знаю, какая изъ двухъ смертей поразила меня больше: первая ли или послѣдняя,—кажется, что послѣдняя: тамъ конецъ страданіямъ, а здѣсь начало! Тяжелѣе всего въ эту минуту мнѣ было сознаніе безсилія школы въ

борьбѣ съ бѣдностью и искушеніями; всѣ планы, которые приходили мнѣ въ голову, тотчасъ же оказывались бреднями взволнованнаго воображенія, я ничего не видѣла и не слышала на сценѣ и чувствовала себя больною нѣсколько дней кряду.

1 сентября 1871 года.

На одной изъ отдаленныхъ аллей Университетскаго сада собирался обыкновенно кружокъ дѣтей: это было любимое ихъ мѣсто. По пріѣздѣ въ садъ мы всегда прямо шли туда и непремѣнно находили тамъ двухъ-трехъ своихъ знакомыхъ, а иногда и больше. Няньки, занятыя разговорами, сидѣли поодаль и вязали чулки, а дѣти катали обручи, подбрасывали мячики и т. д. Иногда, впрочемъ, возникали между ними споры и ссоры, тогда мнѣ волею-неволею приходилось чинить судъ и расправу, потому что, кромѣ меня, въ саду почти никогда не бывало ни одной матери. Мнѣ кажется, впрочемъ, что судъ мой былъ всегда справедливъ: помню, разъ я подмѣтила издали, что старшій сынъ мой, Митя, ударилъ своего товарища Андрюшу за то, что тотъ совершенно нечаянно попалъ въ него мячикомъ. Мальчикъ отвѣтилъ ему тѣмъ же, и между ними поднялась драка. Няньки, занятыя разговорами, ничего не видѣли и не слышали, а я сидѣла и молча слѣдила, чѣмъ все это кончится. Съ плачемъ и крикомъ Митя подбѣжалъ ко мнѣ. Чужой мальчикъ съ испугомъ, исподлобья, глядѣлъ на меня, ожидая, вѣроятно, расправы, и былъ очень удивленъ, когда я сказала Митѣ: «Ты первый началъ, стало-быть самъ виноватъ!»

Нѣсколько случаевъ въ такомъ родѣ расположили ко мнѣ дѣтей и заставили прибѣгать подъ мою защиту. Слабыя находили во мнѣ ограду отъ нападеній сильныхъ, я всегда хлопотала, чтобы дѣти жили дружно, позволяли другимъ играть своими игрушками, и преслѣдовала жадность. У моихъ дѣтей не было своихъ игрушекъ — ихъ игрушки назывались общественными, ими имѣлъ право играть каждый, кто приходилъ въ садъ безъ игрушекъ и

у кого, можетъ-быть, не было ихъ и дома. Единственной помѣхой мнѣ въ этомъ была Галина няня. Она была женщина очень добрая, очень любила и ласкала Галю, но никогда не соглашалась давать другимъ поиграть игрушками моихъ дѣтей. «Не давай эту куклу никому — это наша кукла!» говорила она обыкновенно Галѣ, несмотря на всѣ мои увѣщанія.

Сидѣли мы разъ въ саду. Вечеръ былъ тихій, теплый, дѣти весело играли и шумѣли — кто бросалъ мячикъ, кто катилъ обручъ, кто прыгалъ на веревочкѣ. Я лежала на травѣ и молча слѣдила глазами за Галей, которая прыгала по дорожкѣ, держа рученками высоко надъ головкой свою куклу. Въ это время изъ чащи сада показалась женщина. Лицо ея было желто, точно вылѣплено изъ воска. Большіе, впалые, черные глаза горѣли лихорадочнымъ, потухающимъ огнемъ, черные, какъ смоль, волосы виднѣлись изъ-подъ надвинутаго на лобъ поношеннаго платка. Платье ея было все въ заплатахъ. Она ступала тяжелой, нетвердой поступью, какъ ступаютъ люди больные, которымъ въ тягость ходить, и костлявою рукою вела за руку мальчика лѣтъ 7—8. Лицо мальчика было тоже очень блѣдно и худо. Черные кудри падали кольцами на его высокій лобъ; большіе, черные, какъ уголь, глаза смотрѣли умно и довѣрчиво изъ-подъ длинныхъ, пушистыхъ рѣсницъ. Одѣтъ онъ былъ тоже очень бѣдно,—его неуклюжій сюртучекъ, сшитый, видимо, не по возрасту, былъ весь въ заплатахъ; изъ-подъ сюртучка виднѣлся огромный, толстый воротъ солдатскаго холста; сапожки порыжѣвшіе и тоже всѣ въ заплатахъ; но, несмотря на это, видно было, что чьи-то нѣжныя руки починяли, мыли и чесали этого ребенка: на сюртучкѣ не было ни одной прорѣхи, личико, шейка и ручки были очень чисто вымыты, головка тщательно причесана. Вообще, на лицѣ мальчика было что-то сіяющее, праздничное.

«Кто они и откуда забрели сюда въ садъ?» подумала я, глядя невольно съ участіемъ на лицо женщины и сейчасъ же отвѣтила себѣ: «Да, сегодня суббота... Евреи!.. Бѣдный маленькій нищенка, и для тебя бываетъ праздникъ, и тебѣ весело глядѣть на эту веселую толпу счастли-

выхъ и нарядныхъ дѣтей; только примутъ ли они тебя, бѣднаго?»

Пока я это думала, женщина остановилась вдали, видимо, въ раздумьѣ. Лицо мальчика говорило, что ему страстно хотѣлось остаться здѣсь. Мать колебалась. Наконецъ, тяжело дыша, она съ трудомъ опустилась на землю и устремила тревожно-боязливый взоръ на мальчика, направившаго къ намъ свои шаги.

Въ эту самую минуту Галя, продолжавшая прыгать съ куклой, зацѣпилась своимъ платьемъ за вѣтку и упала. Кукла выпала у нея изъ рукъ и отлетѣла далеко. Галя расплакалась... Маленькій нищій съ быстротою молніи бросился къ куклѣ, схватилъ ее, подбѣжалъ къ Галѣ, поднялъ ее на воздухъ, какъ игрушку, своими тощими рученками и крѣпко поцѣловалъ. Не успѣла я встать, не успѣла раскрыть рта, какъ няня бросилась на мальчика, вырвала у него изъ рукъ Галю, толкнула его въ спину и крикнула: «Пошелъ вонъ, поганый жиденокъ! Какъ ты смѣлъ прикоснуться къ моей барышнѣ!»

— Няня! — крикнула я, но было уже поздно: бѣдная мать схватила за руку сына и скорыми шагами пошла къ выходу изъ сада.

— Няня!—начала я вновь, но она не дала мнѣ договорить.

— Знаю, знаю, что вы скажете,— отвѣчала она, видимо, оскорбленная до глубины души поступкомъ мальчика,—по вашему, такъ и съ жидомъ играй — жаль, должно-быть, что лицо у дѣвочки чистое!

Вечеръ былъ для меня отравленъ: молча смотрѣла я вслѣдъ этой женщинѣ, чувствуя, что ничѣмъ не могу помочь ей въ эту минуту. Съ тѣхъ поръ для меня потеряла прелесть любимая лужайка съ кружкомъ веселыхъ и счастливыхъ дѣтей, я все ждала, что вотъ-вотъ изъ-за кустовъ появится измученная фигура бѣдной еврейки съ блѣднымъ, худенькимъ ребенкомъ. Но напрасно я ждала— ихъ больше не было... Гдѣ-то вы теперь, бѣдные люди? Много ли новыхъ обидъ и оскорбленій пришлось вамъ вынести съ тѣхъ поръ, обидъ безвинныхъ и напрасныхъ за то, что родились не нѣмцами, не французами, а евреями?

19 сентября 1871 года.

Я обыкновенно предлагаю своимъ взрослымъ ученицамъ уходить изъ школы десятью минутами раньше, чтобы устранить ихъ отъ сообщества съ малолѣтними при выходѣ изъ школы,—сообщества, которое можетъ стѣснять ихъ.

Каково же было мое удивленіе, когда сегодня моя Елизавета Яковлевна подошла ко мнѣ и сказала: «Христина Даниловна! позвольте мнѣ оставаться въ школѣ до конца! Мнѣ такъ нравится, когда поютъ — я и сама подтягиваю; хоть и не умѣю пѣть какъ слѣдуетъ, а подтягиваю».

Нечего и говорить, что я съ удовольствіемъ согласилась на это. Вообще Е. Я. кажется мнѣ въ высшей степени симпатичною: сегодня, призадумавшись надъ тѣмъ, не стѣсняетъ ли ее плата за уроки, я сказала: «Послушайте, Е. Я., не пора ли уже мнѣ перестать брать съ васъ деньги — теперь мы уже окончили азбуку, и вы сами должны работать надъ собою, а не я!»

«Нѣтъ, Х. Д.,—отвѣчала мнѣ она,—лишь бы далъ Богъ здоровья, а я на это всегда заработаю. Развѣ я не вижу, какъ вы хлопочете надъ школой, да какъ вы тратитесь! Нѣтъ, ужъ я пока могу, позвольте платить, не отказывайтесь, не обижайте меня!»

4 октября 1871 года.

Взглянувши на мою Е. Я., я замѣтила сегодня на ея лицѣ какое-то особенное, таинственно-веселое выраженіе. «Что это вамъ какъ будто хочется что-то передать мнѣ?» сказала я, глядя на нее.—«Да,—отвѣчала она мнѣ съ нѣкоторой торжественностью,—вчера пріѣхала барыня».—«Ну, и что же?» спросила я, въ свою очередь, не безъ сердечнаго замиранія при мысли, что, какъ запретятъ ходить въ школу? (Она служитъ экономкой.)

— Вчера еще барынѣ никто не докладывалъ объ этомъ,— начала Е. Я.,—позвала она меня съ вечера и говоритъ: «Ну, Е. Я., прошу васъ завтра отправиться на базаръ и купить запасы на зиму — мы и такъ немного съ этимъ за-

поздали!» Я сказала: «Слушаю-съ», и ушла. Встала я сегодня чуть зорька и на базаръ. Сама торгуюсь, а у самой сердце не на мѣстѣ: какъ бы не опоздать въ школу. Суетилась, суетилась, къ 9 часамъ таки справилась. Воротилась домой. Прямо къ барынѣ. «Что какъ заспится?» думаю себѣ. Нѣтъ, слава Богу, говорятъ, проснулась.

«Пришла я къ ней. Сдала отчетъ, всё какъ слѣдуетъ. Не ухожу — дожидаюсь. А сама смотрю на нее, въ духѣ ли она, отпуститъ ли.—«А чего вы еще ждете?» спросила барыня. «Позвольте мнѣ въ школу итти?» сказала я, а у самой такъ кровь и бросилась въ голову. «Какъ въ школу? зачѣмъ?» сказала барыня расхохотавшись.

«— Учиться!

«— Такъ вы учитесь?

«— Учусь!

«— Давно?

«— Два мѣсяца.

«— Что жъ—научились чему-нибудь?

«— Какъ же-съ, умѣю уже и читать и писать!

«— Ну, ступайте, помогай Боже!—сказала барыня усмѣхаясь.

«Я скорѣе отъ нея, да за платокъ, да въ школу. Ну, думаю, вѣрно началось! Бѣжала, ажъ запыхалась. Подхожу—слышу молитву поютъ. Ну, слава Богу, не опоздала!

— А по четвергамъ теперь нельзя уже будетъ приходить ко мнѣ?—спросила я съ участіемъ.

— Нѣтъ! Если позволите, такъ ужъ я буду приходить по пятницамъ. Пятница — базарный день, я скуплюсь, да прямо къ вамъ, какъ будто забарилась на базарѣ. Оно не хорошо обманывать, да для такого дѣла я думаю не грѣхъ—Богъ проститъ!

Я посовѣтовала Е. Я. когда-нибудь, когда барыня будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, выпросить себѣ право ходить въ школу не на одно воскресенье, а навсегда, и мы начали заниматься.

Въ группѣ нашей появилась съ прошлаго воскресенья новая ученица — дѣвушка лѣтъ 20, Магдалина Гуляева. Подруга, приведшая ее въ школу, говорила мнѣ потомъ, что школа произвела на Магдалину такое сильное и пріятное впечатлѣніе, что она просто бредитъ ею и взбунтовала весь свой дворъ: кормилица собирается бросать въ воскресенье ребенка и итти въ школу, кухарка желаетъ просить за себя сготовить кушать куму и т. д. Этакъ, пожалуй, мы наживемъ себѣ столько враговъ въ лицѣ господъ, что бѣда!

Магдалина читаетъ и пишетъ очень плохо—училась постаринному, но очень старательна, такъ что черезъ нѣсколько воскресеній ей, навѣрное, легко будетъ итти съ другими. Ради нея я остановила чтеніе статей, а упражняла ихъ въ составленіи и разложеніи словъ, причемъ со мной произошелъ довольно курьезный случай. Разлагалось слово «столъ». — «Изъ сколькихъ буквъ состоитъ слово «столъ?»—спросила я, заставя на этотъ разъ ученицъ считать буквы умственно (про себя). «Изъ четырехъ», отвѣчала съ увѣренностью Е. Я. — «Напишите!» сказала я. Она написала правильно. «Считайте!» повторила я. «Изъ четырехъ», настаивала Е. Я. «Сложите изъ буквъ!» продолжала я съ ненатуральнымъ спокойствіемъ, начиная терять терпѣніе. «Изъ четырехъ», подтвердила Е. Я.

«Какъ изъ четырехъ? — не выдержала я и начала считать сама: с—разъ, т—два, о—три, л—четыре, ъ—пять».

«Я твердый знакъ ни во что считаю! — отвѣчала спокойно Е. Я., относясь къ нему съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.—Стоитъ онъ, не стоитъ ли — все одно!»

Я отъ души расхохоталась этому недоразумѣнію и своей напрасной горячности.

17 октября 1871 года.

День сегодня былъ ясный, теплый. Окруженная толпою дѣвочекъ, живущихъ въ нашей сторонѣ и заходящихъ за мною, я шла въ школу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышалось: «Христина Даниловна!», я обернулась и увидѣла Таню Монахову; дѣвочка, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, вѣроятно, давно нагоняла насъ.

— Здравствуй, Таня,— въ школу?..

— Нѣтъ! — отвѣчала дѣвочка печальнымъ голосомъ.— Хозяйка послала за полученіемъ денегъ!

— А въ будущее воскресенье придешь? -- сказала я въ видѣ утѣшенія, продолжая путь. Отвѣта не было. Я невольно оглянулась съ мыслью: куда же она такъ скоро исчезла? Закрывши глаза концомъ своего чернаго платка, Таня горько плакала, плечи ея судорожно подергивались. Я сама готова была заплакать при видѣ этого дѣтскаго горя и старалась ее успокоить.

— Я сама пойду къ твоей хозяйкѣ,—говорила я,—и попрошу ее непремѣнно отпускать тебя!

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! -- сказала испуганно Таня.—Она прибьетъ меня, нѣтъ лучше не ходите!

Грустная шла я въ школу, перечисляя въ умѣ всѣ тѣ ужасныя условія, при которыхъ приходится выступать на борьбу съ народнымъ невѣжествомъ, и только видъ школы, веселыя лица дѣтей и беззаботный дѣтскій смѣхъ, который слышался еще до входа въ школу, изгладили во мнѣ это впечатлѣніе.

7 ноября 1871 года.

Погода играетъ большую роль въ жизни нашей воскресной школы: идетъ дождь, и не досчитываешься 10—20 преданныхъ школѣ ученицъ: однѣхъ не пустила маменька, потому что башмаковъ нѣтъ, другихъ, потому что башмаки новые—жаль надѣть въ грязь (факты изъ жизни). Сегодня была прелестная погода, и въ школу собралось 154 ученицы.

Постороннихъ также было человѣкъ около 20. Не знаю, назвать ли постороннимъ барона Корфа. Въ школѣ онъ совсѣмъ непохожъ на посторонняго. Когда, обращаясь къ классу, онъ говоритъ—«дѣти!», въ возгласѣ этомъ такъ много теплоты, точно онъ знаетъ каждую изъ ученицъ съ колыбели, да и самыя ученицы говорятъ съ нимъ, точно давно-давно знаютъ его.

Сегодня мы слышали два его урока: одинъ въ старшемъ классѣ по ариѳметикѣ, другой въ подготовительномъ по «Нашему другу». Трудно рѣшить, какой изъ нихъ былъ со-

вершеннѣе: въ преподаваніи было столько вдохновенія, оживленности, увлекательности, вопросы ставились съ такимъ педагогическимъ тактомъ, вниманіе дѣтей было настолько привлечено, что просто было трудно узнать классъ— казалось, это какія-то другія дѣти, родившіяся чуть не геніями. Въ $^3/_4$ часа ученицы подготовительнаго класса усвоили слѣдующія совершенно новыя для нихъ понятія: 1) что такое буква, 2) что такое слово, 3) понятіе о предложеніи, 4) о главныхъ частяхъ его, т.-е. о предметѣ рѣчи и о томъ, что говорится о данномъ предметѣ, 5) понятіе объ употребленіи знаковъ: вопросительнаго и восклицательнаго, 6) объ употребленіи точки между отдѣльными предложеніями, 7) объ употребленіи запятой между двумя предложеніями, связанными между собою по смыслу (два предложенія «владъ»). Само собою разумѣется, что эти многочисленныя понятія, хотя и были ясно и быстро схвачены 10-лѣтними дѣтьми, но не сдѣлались достояніемъ ихъ на всю жизнь, такъ какъ для этого требуется, кромѣ искусства въ передачѣ, и навыкъ. Урокъ этотъ явился только доказательнымъ подтвержденіемъ того, что матеріалъ, данный учителю книгою «Нашъ другъ», вполнѣ пригоденъ для усвоенія его самыми даже небольшими и неподготовленными дѣтьми.

Я слушала этотъ урокъ съ тѣмъ наслажденіемъ, съ которымъ слушаешь иногда вдохновеннаго артиста, боясь дышать и пошевельнуться, чтобы не нарушить гармоніи: нужно было видѣть эти оживленныя личики, эти блестящіе глазенки, чтобы понять, сколько талантливости и искусства было въ этомъ преподаваніи. Когда окончился урокъ, я хотѣла подойти къ Корфу и сказать о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое оставило на мнѣ его преподаваніе, но не подошла, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу и что десятки постороннихъ глазъ встрѣтятъ эти слезы съ усмѣшкой и назовутъ ихъ непростительной экзальтаціей.

Наблюдая за педагогами, посѣщавшими нашу школу, я пришла къ выводу, что они подраздѣляются на два разряда: къ первому разряду принадлежатъ люди, входящіе въ нее съ какимъ-то нервическимъ желаніемъ искать недостатки и съ ребяческой боязнью не подмѣтить ихъ и ском-

прометировать себя. Такіе люди прикапываются къ мелочамъ, придаютъ имъ огромное значеніе, сосредоточиваютъ на нихъ все свое вниманіе и, отдавшись имъ всецѣло, теряютъ способность взглянуть въ лицо самому дѣлу, почувствовать его жизненность, заглянуть въ его душу, попробовать его пульсъ и съ наслажденіемъ удостовѣриться, что это живой организмъ, способный расти и развиваться. Такъ, напр., недавно одинъ молодой педагогъ вмѣсто того, чтобы вглядѣться, съ какой энергіей работаютъ мои 30-лѣтнія ученицы, завидѣвши у одной изъ нихъ матовую доску, по которой она обводила буквы, пришелъ въ ужасъ. Напрасно я увѣряла его, что это временная мѣра, что ученица нуждается въ механическомъ трудѣ для выработки почерка и т. д. Ничто не помогло—юный педагогъ до того ахалъ и охалъ, что, казалось, отъ этого происшествія должна была погибнуть вся школа.

Не таковы люди второго разряда: школа не представляется имъ «охотой за ошибками» (какъ называетъ это Миропольскій въ своей статьѣ «Ученическія сочиненія»). Они входятъ въ нее съ любовью къ дѣлу, они силятся найти въ ней какъ можно больше хорошаго, какъ мать въ любимомъ дѣтищѣ, они увлекаются всѣмъ, чѣмъ можно увлечься, они радуются всему, чему можно порадоваться, и вселяютъ то довѣріе и вызываютъ ту откровенность, которая одна способна только помочь критикѣ заглянуть въ душу школы.

Къ разряду этихъ людей принадлежитъ и баронъ Корфъ,—отношенія его къ школѣ полны той любви, того фанатизма, которые магически отзываются въ душахъ людей, способныхъ увлечься извѣстной идеей и отдаться ей всецѣло на всю жизнь. Такіе люди, какъ онъ, вызываютъ послѣдователей своихъ стремленій, они сильны своей любовью и преданностью къ дѣлу, и эти стремленія не умираютъ съ ихъ тѣломъ.

15 ноября 1871 года.

Вчера я объявила своимъ ученицамъ объ отъѣздѣ и просила ихъ сказать мнѣ откровенно, съ которой изъ учительницъ желаютъ онѣ безъ меня заниматься. Сказавши

это, я ушла на нѣсколько минутъ, чтобы дать имъ возможность посовѣщаться на свободѣ. Когда я возвратилась, всѣ, повидимому, сошлись на одномъ рѣшеніи и успокоились. «Чѣмъ же порѣшили?» спросила я. «Желаемъ заниматься у вашего брата Леонтія Даниловича, потому что онъ ужасно какъ похожъ на васъ лицомъ и голосомъ!»—«Очень рада,—сказала я,—не потому, что онъ «похожъ на меня лицомъ и голосомъ», а потому, что онъ хорошій учитель и будетъ хорошо заниматься съ вами».

Передъ отъѣздомъ я оставила Л. Д. подробную письменную характеристику каждой ученицы съ отчетомъ о ея знаніяхъ.

Сегодня пришли проститься со мною еще разъ Елизавета Яковлевна и еще одна ученица. Я усадила ихъ, и мы проговорили часа два. Е. Я. была какъ-то особенно разговорчива и откровенна. «Знаете, Христина Даниловна,—говорила она мнѣ,—я до того рада, до того рада, что научилась грамотѣ, что сама себѣ не вѣрю,—проснусь иногда этакъ ночью и думаю спросонка: «что, какъ мнѣ это приснилось?» Такъ бы вотъ, кажется, встала, да за книжку, чтобы удостовѣриться. И съ дѣтства же была у меня эта страсть: помню, было намъ, дворовымъ дѣвочкамъ, лѣтъ по 14, когда старая барыня посулилась учить насъ грамотѣ. Выбрали сначала одну (Господи, какъ мы ей завидовали!), говорятъ: «посмотримъ, что изъ нея выйдетъ?» Нужно же—грѣхъ такой—доучилась она грамотѣ и убѣжала съ учителемъ. Тутъ старая барыня говоритъ: «Теперь кончено! Чтобъ ни одного человѣка въ дворнѣ не было грамотнаго!» Такъ и застыла наша грамота—нечего было и думать.

Выдали меня замужъ, прожили мы съ мужемъ, слава Богу, благополучно 20 лѣтъ, дѣтей нѣтъ; думаю себѣ, возьму воспитанницу и взяла вотъ эту самую Машу, что въ школѣ у насъ учится Ужъ ее-то непремѣнно хотѣла научить грамотѣ; только вотъ бѣда—дѣвочка уже порядочная—лѣтъ 14, чтобы еще не избаловалась въ ученьѣ. Стала совѣтоваться съ знакомыми, они и говорятъ мнѣ: «Знаете, нѣтъ лучше въ городѣ, какъ воскресная школа: если хотите, чтобы дѣ-

вочка выдержку имѣла, отдайте туда, а выучиваютъ какъ скоро, такъ это страсть!» Подумала я, подумала и послала. Гляжу мѣсяца черезъ два Маша моя, какую ни попадетъ книгу, каждое слово разберетъ, и весело мнѣ смотрѣть на нее, и завидно. Задумала я себѣ думу и спрашиваю ее: «Маша! съ кѣмъ бы это мнѣ тамъ у васъ посовѣтоваться насчетъ ученья? Можетъ, и меня бы научили?»—«Съ Христиной Даниловной, сказала мнѣ Маша, она васъ непремѣнно научитъ—она, говорятъ, очень легка на руку!»—«Ну спроси!»

Жду я ея не дождусь будущее воскресенье изъ школы. Пришла. «Ну, что?» говорю.—«Спрашивала».—«Какъ же ты спрашивала?»—«Такъ, какъ вы приказали—говорю: «Одна дама желаетъ у васъ учиться и деньги даже за это платить!»—«Что жъ Х. Д.?»—«Отказалась: мы, говоритъ, барынь не учимъ!»—«Эхъ, дура, дура, говорю я ей,—какая же я барыня или дама—ты бы сказала, что я безграмотная, а если я деньги желаю платить, такъ это отъ моего усердія за ихъ труды—больше ничего!»

Ну, тутъ ужъ вы знаете, какъ она привела меня къ вамъ и какъ вы уговорили меня ходить въ школу; сначала было немножко страшно, а теперь просто, будто я вѣкъ въ ней была.

Грустно мнѣ оставлять школу на мѣсяцъ, только и примиряетъ мысль, что покидаю ее для нея же и черезъ мѣсяцъ опять возвращусь къ ней, соскучившись и почерпнувъ въ отдыхѣ новыя силы для работы. А работы много,—такъ много, что подчасъ нападаетъ тяжелое раздумье «не поздно ли?» и вопросъ о томъ, «имѣешь ли право учить?» при сознаніи своего невѣжества, является какимъ-то зловѣщимъ вопросомъ.

Сидишь надъ книгами, работаешь, читаешь, подчасъ перечитываешь три-четыре раза одну и ту же страницу, пока не доберешься до смысла, пока не отдашь себѣ яснаго отчета въ прочитанномъ. И что же выходитъ изъ этого? Положимъ, что такого рода чтеніе способствуетъ общему развитію, но даетъ ли оно знанія, тѣ знанія, обладать ко-

Центральна наукова бібліотека Інв. № 273779
Центральна наукова бібліотека

торыми есть нравственная обязанность учителя? Нѣтъ! Переходя отъ «Физики» по Крюгеру къ «Происхожденію человѣка» Дарвина, отъ «Эмиля XIX столѣтія» къ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» Ушинскаго, чувствуешь и понимаешь, что это скачки, неимѣющіе здраваго смысла, что каждая изъ этихъ книгъ имѣла бы значеніе въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, но какъ помочь горю— остается все тѣмъ же вопросомъ. И какъ и къ кому подойти съ этимъ вопросомъ женщинѣ въ 30 лѣтъ, никогда ничему неучившейся? Подойти къ такимъ же малограмотнымъ людямъ, какъ она? Они не помогутъ горю... Подойти къ тѣмъ людямъ, которые способны были бы помочь?.. Но повѣрятъ ли они въ искренность просьбы, не заподозрятъ ли въ этомъ слѣпого поклоненія авторитетамъ, не скажутъ ли, что въ такіе годы человѣкъ способенъ самъ отнестись разумно къ своей работѣ, и не захотятъ задуматься надъ тѣмъ, по силамъ ли работа?

26 ноября 1871 года.
Петербургъ.

Сегодня я получила письмо отъ своей Елизаветы Яковлевны. Тронутая имъ до глубины души, я думала: «Давно ли съ видомъ безнадежности человѣка, дожившаго до сѣдыхъ волосъ безграмотнымъ, она говорила мнѣ печально: «Нѣтъ, Христина Даниловна, никогда я не научусь читать и писать!» и вотъ въ эту минуту она чувствуетъ, что создала самостоятельно письмо, что это письмо пойдетъ за тысячу верстъ, что Х. Д. прочтетъ его, порадуется ему и будетъ отвѣчать, и получитъ она черезъ нѣсколько дней этотъ отвѣтъ и сама прочтетъ его! Сколько радости и гордости должны вызывать эти мысли въ головѣ пожилого человѣка, одолѣвшаго на старости лѣтъ грамоту. Я отвѣчала ей такъ:

«Многоуважаемая Елизавета Яковлевна!

«Вы пишете, что, несмотря на самую ужасную погоду, вы были въ школѣ—это доказываетъ, что вы искренно любите ее! Это радуетъ меня больше, чѣмъ даже ваша лю-

бовь ко мнѣ. Я могу уѣхать, могу умереть, а школа всегда останется вашимъ другомъ, всегда найдутся въ ней люди, готовые помочь вамъ продолжать ученье. Любите школу— она гордится любовью такихъ ученицъ, какъ вы! Спасибо, впрочемъ, вамъ и за любовь вашу ко мнѣ; повѣрите ли, какъ вспомню о томъ, какъ вы всѣ любите меня, какъ-то весело становится на сердцѣ.

«Въ Петербургѣ живется мнѣ очень хорошо—все хожу по школамъ и приглядываюсь, нельзя ли научиться чему-нибудь, чтобы потомъ ввести это и у насъ въ школѣ. Выѣзжаю 10-го. Какъ ни весело мнѣ въ Петербургѣ, а соскучилась о всѣхъ васъ и о школѣ. Особенно грустно бываетъ мнѣ въ воскресенье, какъ подумаю, что всѣ вы собрались въ школу, а меня нѣтъ.

До свиданія! Глубоко уважающая васъ

Х. А.

«Кланяйтесь всѣмъ моимъ ученицамъ, а вашимъ сотоварищамъ; впрочемъ, на-дняхъ я буду писать и имъ».

Письмо Е. Я. навело меня на мысль написать еще нѣсколько писемъ тѣмъ изъ ученицъ, которыя принимаютъ болѣе горячее участіе въ пропагандѣ школы, т.-е. вербуютъ ученицъ, не пропускаютъ сами ни одного воскресенья, имѣютъ вліяніе на другихъ, благодаря большему развитію, и т. п.

Въ эту минуту мнѣ непреодолимо захотѣлось ознакомиться ближе съ способомъ излагать иныхъ изъ ученицъ. Я привела свой планъ въ исполненіе и теперь съ нетерпѣніемъ жду отвѣтовъ.

Въ позднѣйшемъ дневникѣ отъ 17 января 1879 года слѣдующія строки посвящены Е. Я.:

«Сегодня была у меня моя бывшая 45-лѣтняя ученица Елизавета Яковлевна Зайцева. Она оставила школу 2 или 3 года назадъ, достигши своей опредѣленной цѣли, т.-е. научившись сносно читать и писать. Разговоръ, естественно, съ первыхъ же словъ зашелъ о школѣ, продолжаетъ ли она заниматься чтеніемъ и т. д. «Какъ же,—сказала она, какъ

всегда сіяя своимъ толстымъ лицомъ, когда рѣчь заходитъ на эту тему,—я не только сама читаю, а выучила за прошлую зиму дѣвочку-сиротку, что привезли къ намъ изъ деревни, и мальчика съ Муравьевскаго двора. Вижу, бѣгаетъ по улицѣ, ничего не дѣлаетъ. Я къ нему: «Хочешь учиться?»—«Хочу!»—«Приходи часамъ къ 10, когда я съ поваромъ съ базара возвращаюсь». Сталъ ходить—и выучился».

2 декабря 1871 года.

Сегодня въ моей группѣ появилась новая взрослая ученица, лѣтъ 20. Не желая озадачить ее съ первой минуты экзаменомъ или докучливыми и неестественными разспросами о ея семьѣ, настоящемъ и прошломъ, что рекомендуютъ даже лучшіе педагоги и что, по моимъ наблюденіямъ, конфузитъ и является чѣмъ-то навязаннымъ не только со взрослымъ человѣкомъ, но и съ ребенкомъ, я просила ее садиться съ другими, ограничившись свѣдѣніями, что она «умѣетъ читать и писать, но не очень хорошо», и старалась не обращать на нее вниманія, пока она оправится отъ конфуза.

И въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ ученика или ученицу, взрослую или малолѣтнюю, въ особенности же взрослую, которая приходитъ въ школу учиться, и вдругъ ее, ни съ того ни съ сего, начинаютъ тормошить вопросами объ ея семейной жизни, объ ея отцѣ, матери и сестрахъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Она ждала книги, букваря, чего хотите, только не сентиментальныхъ разговоровъ; и это ошеломитъ ее гораздо больше, чѣмъ букварь, который принято бояться въ первый урокъ дать въ руки ученицѣ. Другое дѣло, если черезъ нѣсколько уроковъ, когда, занимаясь дѣломъ, ученица исподволь привыкнетъ и къ вашему голосу, и къ вашему лицу, и къ вашему способу выражаться, когда она почувствуетъ въ васъ человѣка, готоваго помочь ей,—другое дѣло тогда заговорить съ нею по душѣ, сблизиться съ нею. Тогда она не испугается васъ, ей не покажется это нескромнымъ и неумѣстнымъ вопросомъ... Хорошо, что ни одинъ педагогъ не прочтетъ,

вѣроятно, моего дневника, иначе какой шумъ поднялъ бы онъ за мои *антипедагогичныя* несовременныя сужденія, но я того мнѣнія, что «каждый долженъ смѣть свои сужденія имѣть», а потому и высказываю ихъ напрямикъ.

И такъ, я старалась не обращать вниманія на мою новую ученицу; между тѣмъ, взгляды мои какъ-то невольно падали на нее: у нея было такое красивое, такое симпатичное лицо, съ большими, умными добрыми карими глазами,— такими глазами, которые надолго остаются въ памяти. Ученица тоже очень часто взглядывала на меня, точно всматриваясь въ мое лицо и припоминая что-то. Наконецъ, мнѣ стало совѣстно. Заглядываться на красивое лицо и мѣшать человѣку работать, по крайней мѣрѣ, не педагогично, и я дала себѣ слово не смотрѣть больше на нее, но слово оказалось безсильнымъ—меня просто влекло что-то къ ней непреодолимой силой.

Ученицы списывали изложеніе съ досокъ въ тетради. Тоже нераціональное, но *любимое* ихъ занятіе, практикуемое мною именно на этомъ основаніи. Я сидѣла и думала; и пришло мнѣ почему-то въ голову ученіе спиритовъ о сродствѣ душъ; когда-то въ молодости меня очень занимало это ученіе. Я продолжала смотрѣть на свою новую ученицу, и чѣмъ больше я на нее смотрѣла, тѣмъ больше казалось мнѣ, что гдѣ-то и когда-то я ее видѣла, но гдѣ и когда—никакъ не могла вспомнить. Наконецъ, взгляды наши такъ встрѣтились, что неловко стало ничего не сказать. «Гдѣ вы научились грамотѣ?» спросила я.—«Я научилась грамотѣ очень давно, когда была совсѣмъ маленькою, въ воскресной школѣ на Рыбной улицѣ, и, мнѣ кажется,— добавила она краснѣя,—что я училась у васъ, помню, что моя учительница была очень черная, кажется, что вы...»

Въ эту минуту я поняла наше «сродство душъ». Передо мною живо воскресла школа на Рыбной улицѣ, группа моихъ учениць и крошечная кареокая Орися, которую потомъ я потеряла изъ виду.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила я.

— Арина!—отвѣчала новая-старая знакомая.

А на глазахъ и у нея и у меня блестѣли слезы.

1 марта 1872 года.

Три мѣсяца, какъ я не бралась за дневникъ. Вѣроятно, тревоги и сомнѣнія, мучившія меня съ пріѣзда изъ Петербурга, не могли пройти безслѣдно и кончились воспаленіемъ въ мозгу...

Нѣсколько дней боялись за мою жизнь, но я выздоровѣла, если только можно назвать выздоровленіемъ полный упадокъ силъ. Я лежу неподвижно по цѣлымъ часамъ, ничего не дѣлая, ничего не читая, даже какъ будто ничего не думая. Мнѣ кажется иногда, что я уже умерла, и не скажу, чтобы въ такія минуты мнѣ становилось особенно тяжело; въ памяти моей проходитъ мое прошлое со всѣми его разнообразными встрѣчами, со всѣми волненіями и порывами молодости, и кажется мнѣ, что такъ я полно жила, такъ много передумала и перечувствовала, что смерть моя теперь вполнѣ естественна... Въ воображеніи рисуется погребальная процессія—крышку гроба несутъ учительницы, за катафалкомъ идетъ толпа дѣтей съ заплаканными лицами; вотъ шествіе остановилось, и я слышу, какъ нашъ хоръ стройно и печально поетъ: «Со святыми упокой». Я съ любовью вглядываюсь въ эту картину—она не пройдетъ безслѣдно въ жизни, и въ этой толпѣ зѣвающихъ и праздныхъ людей найдутся такіе, въ которыхъ она вызоветъ раздумье и слезы, и чѣмъ глубже будутъ эти люди отъ природы, тѣмъ глубже западетъ это раздумье, тѣмъ разумнѣе и искреннѣе будутъ эти слезы и тѣмъ благотворнѣе будутъ результаты. Да, я вѣрю въ искренность отношеній ко мнѣ учительницъ, вѣрю въ любовь дѣтей, и какъ я счастлива и горда этой любовью! Ее не отнимутъ отъ меня ни людская злоба, ни пошлость, ни клевета, она проводитъ меня до гроба, она примиритъ меня съ мыслью о смерти, она поддержитъ во мнѣ вѣру въ живучесть того дѣла, которому я отдала послѣдніе годы жизни... Пусть говорятъ, что въ моей любви къ школѣ мною руководитъ самолюбіе,—я знаю одно, что во имя самолюбія можно отдать многое, но не жизнь, а я отдала ее школѣ, я не щадила, работая въ ней и для нея, тѣхъ силъ, кото-

рыя дали бы мнѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни, я отдала ихъ ей «безъ сожалѣнья и упрека!»

И вотъ чувствуя съ каждымъ днемъ все меньше и меньше силъ, я хочу посвятить ей свои послѣднія минуты, я хочу прослѣдить, съ какихъ поръ зародилась во мнѣ любовь къ ней, при какихъ условіяхъ росла и крѣпла и когда, наконецъ, достигла своего nec-plus-ultra. Пусть друзья мои прочтутъ эту исповѣдь—она напомнитъ имъ меня, мою жизнь, мои стремленія.

Я родилась въ Борзнѣ, Черниговской губерніи. Отецъ мой былъ учителемъ уѣзднаго училища, а мать—внучкой господаря Молдавіи—Гика. Она сдѣлала то, что называлось въ старину mésalliance: дочь заслуженнаго генерала, героя двѣнадцатаго года, получившая блестящее образованіе въ Смольномъ институтѣ, обладавшая большими средствами и замѣчательнымъ голосомъ (въ бытность свою въ Смольномъ она пѣла даже нѣсколько разъ при дворѣ), она принесла все это въ даръ скромному учителю, отличавшемуся необычайной красотой и недюжиннымъ умомъ. Я обожала мою мать, какъ существо любящее, порывистое, со свѣтлымъ умомъ и даромъ «привлекать сердца людей». Отца я не любила—это былъ черствый эгоистъ, минутами несправедливо обижавшій мою бѣдную мать, что страшно вооружало противъ него мое дѣтское сердце. Когда, впослѣдствіи, мнѣ случалось въ жизни совершить что-либо злое, несправедливое, я говорила съ отчаяніемъ: «Во мнѣ просыпается отецъ».

Онъ не любилъ насъ, дѣтей; а братьевъ моихъ нещадно билъ, и одинъ изъ нихъ, вслѣдствіе этого, выросъ совершенно чахлымъ человѣкомъ: когда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ, отецъ схватитъ его, бывало, за рученку, подыметъ въ воздухъ и бьетъ, пока ребенокъ посинѣетъ и пока я, разъяренная, не брошусь отнимать его. Вообще, на глазахъ у насъ, дѣтей, происходили ужасныя сцены. Помню, какъ сейчасъ экзекуціи, которыя производилъ нашъ отецъ надъ несчастными дѣвушками, крѣпостными моей матери; ихъ клали на полъ, въ головахъ ихъ сидѣлъ одинъ му-

жикъ, держа жертву за плечи, въ ногахъ другой, а отецъ, весь побагровѣвшій отъ злобы, съ искаженнымъ лицомъ, нещадно билъ несчастную, несмотря на ея отчаянные вопли. Это происходило каждый разъ шесть недѣль спустя, послѣ того, какъ у горничной, неожиданно для насъ, дѣтей, появлялся ребенокъ, и мы не могли взять въ толкъ, въ чемъ заключалось преступленіе. Заслышавши страдальческіе стоны, мы врывались въ комнату отца, становились передъ нимъ на колѣни, складывали рученки и, рыдая, повторяли: «Перестань, перестань; она больше не будетъ!» Но мать боготворила его и умѣла все прощать и оправдывать въ немъ.

Насъ было трое: я и два моихъ младшихъ брата. Когда мы подросли, отецъ рѣшилъ пригласить къ братьямъ какого-то бѣдняка-семинариста за 5 рублей въ мѣсяцъ (все большое состояніе моей матери было уже тогда прожито имъ, и мы существовали только на его скудное жалованье). Я съ любопытствомъ вслушивалась въ эти переговоры; мать настаивала на томъ, чтобы и меня учить грамотѣ, но отецъ былъ страшно противъ этого; онъ говорилъ язвительно: «Зачѣмъ дѣвченкѣ грамота? Чтобы писать любовныя записочки!»

Какъ и всегда, мнѣніе его взяло верхъ. Участь моя была рѣшена, и никто не видѣлъ, какъ, забравшись въ темный уголокъ одичалаго сада, рыдала маленькая дѣвочка, лишенная права учиться, чего такъ хотѣлось ей. Но дѣвочка эта отличалась настойчивостью въ достиженіи цѣли: какъ только приходилъ семинаристъ и начиналъ занятія съ мальчиками, она подкрадывалась къ запертой двери, немножко пріотворяла ее и съ жадностью ловила каждое слово учителя. Такимъ способомъ она научилась читать и писать раньше, чѣмъ братья. Любимымъ ея чтеніемъ стали басни Крылова. Она выучила почти всю книгу наизусть и декламировала ее съ необычайнымъ жаромъ и паѳосомъ.

Съ самаго ранняго дѣтства я чувствовала какой-то особенный интересъ къ кухнѣ, куда намъ, дѣтямъ, запрещено было ходить. Я очень любила всѣхъ материнскихъ крѣпостныхъ слугъ, и они любили меня. И вотъ, когда отца

и матери не бывало дома или же они были заняты гостями, я пробиралась потихоньку въ подвальный этажъ въ кухню, со своею любимою книжкой въ рукахъ, усаживалась на почетное мѣсто, на скамейку подъ образами, за большимъ бѣлымъ людскимъ столомъ, — и начиналось громкое чтеніе. Вѣроятно, въ это чтеніе я влагала много чувства и выразительности, такъ какъ аудиторія моя слушала меня, затаивъ дыханіе, и въ кухнѣ раздавался то громкій смѣхъ, то сдержанные вздохи женщинъ. Уже тогда между мною и народомъ легла какая-то неуловимая связь, сблизившая насъ навѣки.

Когда братьямъ исполнилось 9—10 лѣтъ, отецъ отдалъ ихъ въ гимназію. Помню, съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ ждала я возвращенія ихъ изъ класса, заставляя разсказывать мнѣ до мельчайшихъ подробностей, что именно говорилъ учитель, что задавалъ на домъ, какъ отвѣчали ученики, кого онъ похвалилъ и за что и т. д. Когда наступалъ вечеръ, въ маленькой комнатѣ при сальномъ огаркѣ сидѣло не двое, а трое дѣтей—два мальчика и дѣвочка, и когда мальчики отрывались отъ занятій и начинали болтать, дѣвочка говорила наставительно: «Вотъ увидимъ, что тебѣ скажетъ завтра учитель!» Но самая главная бѣда заключалась въ томъ, что братьевъ часто наказывали въ гимназіи—не за лѣность, не за нерадѣніе, не за шалости, а за то, что у нихъ не было ни книгъ ни учебныхъ пособій, требовавшихся въ классѣ, а не было потому, что мы были бѣдны и не на что было пріобрѣсти ихъ. И вотъ, въ силу вещей, въ головѣ моей зародилась мысль, во что бы то ни стало, добыть средства для пріобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій, необходимыхъ братьямъ. Они перешли уже тогда въ классъ, гдѣ учениковъ заставляли писать сочиненія, и я съ жаромъ принялась за эту работу. Сочиненія братьевъ, написанныя мною, обратили особое вниманіе учителя; они читались въ классѣ, какъ образцовыя, и въ братьяхъ моихъ стали заискивать товарищи. «Напиши мнѣ на завтра сочиненіе—я дамъ тебѣ за это 20 коп.!» — «А я карандашъ и ручку!» — «А я дюжину перьевъ и тетрадь!» говорили они наперерывъ. И я съ восторгомъ

получала эти двугривенные и пріобрѣтала на нихъ необходимые для братьевъ учебники.

Но вотъ что случилось однажды: мнѣ пришлось писать сочиненіе ночью—ихъ было такъ много, и всѣ на произвольныя темы. Голова моя отяжелѣла, глаза смыкались отъ сна и, не соображая болѣе, что я должна говорить отъ лица мальчика, а не дѣвочки, я начала писать въ женскомъ родѣ: «я была», «я видѣла» и т. д. Само собою разумѣется, что это обратило вниманіе учителя, и началось дознаніе. Какъ нарочно въ ту пору появилось въ печати,—въ газетѣ «Сѣверная Пчела» Булгарина,—мое первое патріотическое стихотвореніе, причемъ Булгаринъ восхвалялъ даровитость русской природы. Это заставило всѣхъ читающихъ людей города Курска, гдѣ жила я, обратить на меня вниманіе и заговорить обо мнѣ. Возникло подозрѣніе, не принадлежатъ ли сочиненія перу даровитой дѣвочки, братья которой сидятъ тутъ же, въ классѣ, и тайна моя была обнаружена. Тутъ я пережила цѣлый рядъ очень тяжелыхъ дней, такъ какъ братьевъ моихъ хотѣли исключить изъ гимназіи; но нашлись гуманные люди, которые очень хорошо знали мое тяжелое семейное положеніе и заступились за меня.

Знакомствомъ своимъ съ этими не только гуманными, но и вліятельными людьми я была обязана, во-первыхъ, матери - аристократкѣ, вращавшейся въ этомъ кругу, а, во-вторыхъ, своему драматическому таланту, обращавшему на меня всеобщее вниманіе. Мелочному самолюбію отца льстило то обстоятельство, что дочь его называютъ поэтессой и что о ней говорятъ. Онъ не вспоминалъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ противъ того, чтобы научить эту поэтессу грамотѣ. Позднѣе ему еще больше льстили успѣхи мои на сценѣ въ любительскихъ спектакляхъ, гдѣ просто носили меня на рукахъ. Но когда богатый старикъ Криницынъ, восхищаясь моимъ голосомъ, предлагалъ везти меня заграницу и готовить на сцену, онъ страшно возсталъ противъ этого и заявилъ, что никогда дочь его не будетъ актеркой, развѣ она пожелаетъ перешагнуть черезъ его трупъ...

Среди людей, заинтересовавшихся мной, было богатое семейство Мамчичъ, состоявшее изъ отца, гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка, матери-крѣпостнички и двухъ барышенъ, получившихъ блестящее образованіе. Изучившія языки заграницей, окруженныя постоянно лучшими гувернантками и учителями, онѣ считались просто фениксами въ нашей немноголюдной провинціи. На балахъ къ нимъ не смѣли подходить кавалеры, боясь, что онѣ спросятъ что-нибудь такое, на что, пожалуй, не сумѣешь отвѣтить. Кромѣ того, матушка была женщина въ высшей степени гордая и надменная и ждала въ женихи чуть не наслѣдныхъ принцевъ. Само собою разумѣется, что, благодаря этому, дочери ея засидѣлись въ дѣвушкахъ, и когда я познакомилась съ ними, имъ было уже лѣтъ по 25—26. Располагая большими средствами, онѣ привыкли удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, и вотъ на этотъ разъ *я* явилась той занимательной игрушкой, которую имъ захотѣлось во что бы то ни стало достать. Достать меня, впрочемъ, было не трудно—отецъ мой питалъ какое-то безотчетное благоговѣніе къ гербамъ и каретамъ и съ наслажденіемъ отпустилъ меня въ «порядочный» домъ. Впослѣдствіи, когда я подросла и поумнѣла, эти «порядочные» дома служили мнѣ всегда ширмой, чтобы бывать у тѣхъ людей, которые не нравились отцу и которые приходились мнѣ по вкусу.

Мамчичъ были дѣвушки, дѣйствительно, очень образованныя, умныя и добрыя. Онѣ повезли меня съ собою въ деревню, которая показалась мнѣ просто раемъ земнымъ послѣ нашей бѣдной обстановки. Утомленная дорогой, я сладко уснула въ эту ночь и проснулась, когда лучи солнца прорывались уже сквозь кисейную бѣлую занавѣску и ярко освѣщали всю мою комнату. Наскоро одѣвшись и умывшись, я спустилась въ садъ. Барышни мои, одѣтыя какъ съ иголочки, сидѣли уже на первой ступенькѣ нижняго крыльца, окруженныя толпою грязныхъ, босоногихъ дѣтей—иныя изъ дѣтей держали книжечки въ рукахъ. Въ жизни своей я не видала ничего подобнаго и остановилась, пораженная прелестью этой картины. Барышни разъяснили

мнѣ потомъ, что онѣ учатъ этихъ бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей, и почему именно это хорошо. Я слушала тогда внимательно, но не знаю почему, слова эти какъ-то скользили по мнѣ—я не помню ихъ теперь, но эта группа бѣлоголовыхъ, босыхъ дѣтей и теперь живо встаетъ передо мною. Мнѣ кажется, что та минута заронила во мнѣ первую искру симпатіи къ нашему бѣдному народу.

Барышни не приглашали меня къ занятіямъ, да я, должно-быть, была еще и неспособна къ нимъ и больше всего ждала той минуты, когда окончатся занятія, и мы затянемъ хоромъ какую-нибудь пѣсенку. Подружилась я, впрочемъ, съ однимъ изъ мальчиковъ, Сенькой—онъ мнѣ казался очень симпатичнымъ и поэтическимъ и былъ со мною, вѣроятно, однихъ лѣтъ. Онъ хорошо уже читалъ, и я учила его и своимъ и чужимъ стихамъ. Кромѣ того, у него былъ прелестный голосъ. Какъ только, бывало, окончатся занятія, лечу я съ нимъ наперегонку къ лодкѣ; едва дыша, мы вскакиваемъ въ лодку и плывемъ... Сенька отлично умѣлъ грести.. и плывемъ мы, плывемъ, совершенно счастливые своимъ дѣтскимъ счастьемъ, и только слышатся издали наши звонкіе голоса... Впослѣдствіи я разучила съ нимъ дуэтъ «Гондольеръ», и, право, мнѣ казалось въ ту минуту, что въ этомъ гондольерѣ герой его романа мой Сенька.

Барышни относились къ этому нѣсколько скептически и говорили мнѣ: «Ахъ, Христенька, будьте осторожны—вы, право, испортите мальчика!» Но я не понимала тогда, какъ не понимаю, впрочемъ, и теперь, смысла этого предостереженія.

На будущій годъ я не застала уже Сеньки—онъ былъ сирота, и дядя отдалъ его въ ученье въ городъ,—такъ я его и потеряла изъ виду.

На этотъ разъ я относилась къ занятіямъ нѣсколько серьезнѣе—мнѣ давали уже самой небольшія работы съ ученицами, кромѣ того, барышни стали брать меня «къ больнымъ». Такъ называли онѣ свой обходъ деревни и ту помощь, которую оказывали онѣ и больнымъ и здоровымъ. Тутъ-то я имѣла случай приглядѣться въ первый разъ къ

безысходной нуждѣ и горю простого народа, и во мнѣ шевельнулось то чувство любви къ ближнему, о которомъ проповѣдывалъ Христосъ.

Барышни дѣлали много добра, но наряду царило звѣрство, конюшня и розги. Помню хорошо дѣвушку рѣдкой красоты и душевныхъ качествъ, которая томилась въ этой обстановкѣ рабства и самоуправія. Она была крѣпостною, но выросла при барышняхъ, и что-то нѣжное, прекрасное и безконечно грустное лежало на всемъ ея существѣ. Барышни такъ любили ее, что когда она, не перенеся терзаній нравственныхъ и физическихъ, идущихъ отъ ихъ матери-изверга, слегла въ чахоткѣ въ постель, онѣ потихоньку отъ матери очистили маленькую комнатку на птичьемъ дворѣ и заботливо окружили ее комфортомъ. Помню, какое горячее участіе принимала я въ этихъ хлопотахъ, какъ мы, барышни, мыли полы и окна, и какою таинственностью и прелестью былъ окруженъ для насъ этотъ маленькій подвигъ. Я проводила у больной цѣлые часы. Она лежала блѣдная, прекрасная, неподвижная, пока приступъ кашля не колыхалъ ея запавшей груди. Больше всего она любила слушать разговоры о волѣ, и часто я, желая развлечь ее, импровизировала на тему о томъ, что будетъ, когда люди станутъ вольными. Она слегка улыбалась мнѣ и часто засыпала подъ звуки моего голоса, какъ засыпаетъ больной ребенокъ подъ нѣжную материнскую пѣсню. Мы обыкновенно входили къ ней тихо и осторожно, но былъ моментъ, когда я не выдержала и, какъ ураганъ, влетѣла въ эту маленькую комнатку. „Лиза! получена вѣсть о волѣ!“ вскрикнула я, бросаясь къ ней. Она обвила мою шею своими худыми, какъ плети, руками, затѣмъ перекрестилась и улыбнулась безконечно доброй и блаженной улыбкой, какъ улыбаются, вѣроятно, ангелы. Это было послѣдней улыбкой въ жизни дѣвушки: на другой день она умерла...

Деревня Мамчичъ была моимъ первымъ знакомствомъ съ народомъ и школою; теперь перейду ко второму столкновенію, на которомъ остановлюсь съ тою же отрадой и любовью.

Братья мои кончали уже гимназію, когда у меня завязалась переписка съ незнакомымъ мнѣ юношей; прочитавши мои стихи, онъ воспламенился тѣмъ живымъ интересомъ, который свойственъ только ранней молодости, и написалъ мнѣ въ отвѣтъ прекрасное стихотвореніе. Наша переписка въ стихахъ продолжалась годъ-два, а затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Курскъ, познакомился со мною, я вышла за него замужъ и переѣхала въ Харьковъ. Харьковъ показался мнѣ чуть не столицей по сравненію съ нашимъ захолустьемъ. Я проходила мимо университета съ чувствомъ затаеннаго благоговѣнія—мнѣ хотѣлось стать на колѣни передъ нимъ и молиться. Въ каждомъ профессорѣ я видѣла оратора, въ каждомъ студентѣ чуть-чуть не генія. Очутившись въ большомъ культурномъ городѣ, я вся пламенѣла желаніемъ окунуться въ общественную дѣятельность и сдѣлать въ жизни что-либо большое, хорошее.

Я искала занятія по душѣ—мнѣ указали на воскресныя школы (это было въ 1862 году). Анализируя прошлое, я нахожу теперь тьму недостатковъ въ тогдашнихъ школахъ, въ которыхъ къ обученію допускались всѣ и каждый и въ которыхъ господствовалъ полный хаосъ, но тогда я увлеклась и отдалась этому дѣлу со всѣмъ пыломъ юности; но—увы!—счастье мое было непродолжительно—въ іюнѣ 1862 года былъ полученъ указъ о закрытіи воскресныхъ школъ...

Помню я живо то горе и смущеніе, съ которымъ мы принуждены были объявить дѣтямъ о закрытіи школы, помню отчаяніе и плачъ дѣтей—въ эту минуту я, казалось, готова была бы отдать полжизни за жизнь школы, но дѣлать было нечего... Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову, мысль—пригласить къ себѣ дѣвочекъ учиться на домъ. Я привела ее въ исполненіе—за мною пошло 50 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ обученіе дѣтей сдѣлалось любимымъ моимъ занятіемъ. Училось у меня по 10, по 20 душъ—согласно съ обстоятельствами и условіями квартиры, и учила я ихъ одиноко, крадучись, какъ воръ, съ этими занятіями. Пугали меня штрафами, пугали, что закроютъ магазинъ, который въ то время составлялъ для

насъ единственный источникъ для добыванія куска хлѣба; напуганная, я время отъ времени прекращала свои занятія, но потомъ опять, какъ пьяница, запивала запоемъ. Въ сущности, ничего запрещеннаго въ моихъ занятіяхъ не было—я задавалась въ то время узкою цѣлью—обученія грамотѣ и только, но неимѣніе диплома давало право каждому стращать меня и заставлять страдать и мучиться.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда мы прочли «Уставъ Общества Грамотности», призывающій подъ свой покровъ всѣхъ частныхъ лицъ, всѣхъ «трудящихся и обремененныхъ». Я говорю «мы», потому что въ то время я не была уже одинокою: со мною работало еще три лица. (Это было въ 1869 году).

Съ вѣрою и надеждою вступили мы въ Общество Грамотности. Неразъ въ собраніяхъ я трепетно подавала свой голосъ за устройство воскресной школы. Наконецъ, мечта моя осуществилась... Первое, впрочемъ, что отравило мое счастіе,—это былъ отказъ, который получили братъ мой Леонтій Даниловичъ и Павловскій, люди, завѣдомо, искренно преданные этому дѣлу. Въ первое же воскресенье я привела въ школу всѣхъ своихъ ученицъ и безбоязненно показала ихъ публикѣ. Я чувствовала себя въ школѣ, какъ у себя дома—бѣгала, суетилась, разсаживала по знаніямъ ученицъ и была вполнѣ счастлива. Какъ всѣ счастливые люди, я не замѣчала того недоброжелательства, съ какимъ глядѣли на меня начальница и другія учительницы, усматривая во мнѣ будто бы какое-то стремленіе къ господству и властолюбію. Начальница была женщина весьма недалекая; главною ея заботой былъ вопросъ: «гдѣ поставить шкафъ?» или «въ какой именно переплетъ переплести книги». На одномъ изъ собраній она предложила слѣдующую мысль: «Такъ какъ первое, что бросается при входѣ человѣка въ порядочный домъ—это умѣнье поклониться,—говорила она,—то прежде всего дѣтей необходимо выучить дѣлать реверансы (начальница была институтка). Собранія эти бывали очень скучныя—учительницы молчали, начальница говорила, что придетъ въ голову. Зато, если у кого-либо рождалась въ головѣ здравая мысль не въ пятницу

(день собранія), а въ другой какой-либо день недѣли, и учительница выражала желаніе сообщить ее начальницѣ, начальница говорила умоляющимъ голосомъ: «Mesdames! прошу васъ, ради Бога, поберегите это до пятницы!» Такъ рѣдки бывали тогда здравыя мысли и такъ безсодержательны были эти собранія!

Составъ учительницъ былъ не менѣе неудаченъ—одна не учила иначе, какъ въ перчаткахъ и подъ вуалью, другая признавалась чистосердечно, что поступила въ школу съ единственною цѣлью научиться учить своихъ дѣтей, третья—въ порывѣ педагогическаго негодованія позволяла себѣ обзывать ученицъ «дурами». Все это было мнѣ очень больно, но я съ отрадою останавливалась на своихъ прежнихъ товарищахъ и старалась не падать духомъ.

Въ это время мнѣ пришлось поѣхать въ Петербургъ. Накупивши книгъ, я возвращалась оттуда съ новыми силами, веселая и счастливая. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Харьковъ въ 10 часовъ утра въ воскресенье. Въ половинѣ 11-го я съ грузомъ книгъ была уже въ школѣ и чуть не бросилась отъ радости на шею къ начальницѣ. Она встрѣтила меня, впрочемъ, весьма холодно, посмотрѣла на часы и замѣтила: «Учительницы обязаны приходить въ десять часовъ, а теперь половина одиннадцатаго». Колкость эта проскользнула по мнѣ незамѣтно—я весело раздала книги дѣтямъ и начала заниматься. Состояніе моей группы заставило меня взгрустнуть: ученицы не только не подвинулись впередъ, а были изувѣчены буквослагательнымъ способомъ; я не выдержала, отозвала свою преемницу въ сторону и объяснила ей, что она не имѣетъ ровно никакого понятія о звуковомъ методѣ. Учительница сочла необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальницы; начальница подошла ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ и сказала: «Прошу васъ покорно не мѣшаться въ занятія учительницъ и, кромѣ того, представить дипломъ на право преподаванія!»

Слово «дипломъ» заставило болѣзненно сжаться мое сердце—я столько выстрадала изъ-за этого слова, и опять оно является для меня зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

На будущее воскресенье нѣсколькихъ учительницъ не было въ школѣ, зато мы встрѣтили толпу безграмотныхъ учениковъ педагогическихъ курсовъ, пришедшихъ поучать насъ уму-разуму по распоряженію руководителя школы патентованнаго педагога С—го. И видѣла я своими собственными глазами, какъ безобразничали эти неучи надъ бѣдными дѣтьми, какъ доходили до милліоновъ съ ученицами, едва ознакомившимися съ десяткомъ, какъ запугивали своимъ развязнымъ прикрикиваньемъ робкихъ дѣтей, какъ посолдатски заставляли отбивать тактъ при хоровомъ чтеніи и т. д. С—ій ходилъ торжествующій, взглядывая на меня побѣдителемъ.—Мнѣ было очень тяжело въ эти минуты.

Я ждала собранія, разсчитывая въ немъ найти поддержку и справедливость. Собраніе началось отчетомъ С—го о непригодности женщинъ - преподавательницъ и о необходимости замѣнить ихъ учениками педагогическихъ курсовъ, которые въ прошлое воскресенье доказали практически свою пригодность. Собраніе отнеслось сочувственно къ этому отчету. С—му апплодировали...

Возмущенная до глубины души, я забыла все на свѣтѣ,— забыла, что здѣсь передо мною сидятъ всѣ тѣ, которыхъ я буду казнить безпощадно, забыла, что у меня здѣсь десятки враговъ и ни одного почти доброжелателя...

Не помню, что я говорила, но увѣрена, что, если бы были тамъ люди съ сердцемъ, они поняли бы, что это голосъ отчаянія, любви и преданности къ извѣстной идеѣ. Я пророчила погибель школѣ, устроенной на такихъ принципахъ и съ такими людьми; я говорила, что мы создадимъ школу и докажемъ, что женщина способна работать; я говорила, что нѣтъ между ними людей, глубоко и искренно отдавшихся этому дѣлу... Слова мои оказались пророческими, но я не торжествую... Мнѣ жаль своихъ силъ, затраченныхъ непроизводительно, жаль своихъ страданій и слезъ. Я прощаю ихъ теперь въ душѣ тѣмъ людямъ, потому только, что я очень, очень счастлива...

Къ концу собранія я заявила, что отказываюсь быть учительницей въ воскресной школѣ Общества Грамотности.

В. Н. Томашевская и еще одна учительница послѣдовали моему примѣру.

И не нашлось ни одной души, вызвавшейся сказать намъ теплое слово. Протестъ нашъ встрѣтилъ глубокое молчаніе... Узнавши, что я оставила школу, мои ученицы всѣ до одной выбыли изъ нея и въ первое же воскресенье пришли ко мнѣ. Изгнаніе наше изъ Общества Грамотности вызвало сочувствіе въ обществѣ и дало намъ нѣсколько новыхъ союзниковъ. Наша домашняя школа насчитывала до 10 преподавательницъ. Все это собиралось по воскресеньямъ въ нашей небольшой залѣ, вслѣдствіе чего становилось невыносимо душно и жарко. Я утомлялась до такой степени, что послѣ каждаго такого воскресенья ложилась въ постель.

Сила обстоятельствъ вызвала мысль просить разрѣшенія и устроить школу въ большихъ размѣрахъ.

Тутъ-то начался для меня рядъ испытаній. Нашлись посторонніе люди, отнесшіеся сочувственно къ этому дѣлу, въ числѣ ихъ былъ Ковальскій. Когда онъ явился къ «начальству» съ просьбой о разрѣшеніи, сказано было, что первымъ дѣломъ необходимо указать на отвѣтственное лицо—распорядительницу. Съ сердечнымъ замираніемъ послали мы списокъ наличнаго числа учительницъ. Начальство просмотрѣло и отвѣчало, что нѣтъ ни одного лица достаточно благонадежнаго.

Поѣхала я къ отцу Стефану Любицкому. Я всегда знала его за человѣка умнаго и развитого, но какъ посмотритъ онъ на это сомнительное еще по своимъ результатамъ дѣло, хватитъ ли у него желанія взять на себя иниціативу,—для меня являлось вопросомъ...

Я говорила очень долго и старалась придать дѣлу, какъ можно болѣе солидный и серьезный характеръ и какъ можно глубже затаить степень моего увлеченія, моихъ колебаній, сомнѣній и страданій, что было для меня весьма трудно въ ту минуту. Отецъ Стефанъ слушалъ меня внимательно. Когда я окончила, онъ помолчалъ немного, потомъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ съ экзаминаторскимъ оттѣнкомъ, потомъ еще помолчалъ немного и, наконецъ, сказалъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ: «Я согласенъ!»

Счастливая я возвратилась домой, послала за нашимъ ходатаемъ по дѣламъ и объявила ему, что священникъ согласенъ взять на себя роль учредителя школы.

Ковальскій отправился съ этимъ извѣстіемъ къ «начальству». «Начальство» обѣщало представить на утвержденіе губернатору. Губернаторъ разрѣшилъ, но этого оказалось мало—требовалось разрѣшеніе архіерея.

Казалось, мы были у пристани, но это только казалось: архіерей пришелъ къ убѣжденію, что молодой вдовецъ-священникъ не можетъ быть руководителемъ женской школы.

Мы сильно пріуныли и рѣшились просить совѣта, «что намъ дѣлать», у самого начальства.

Предсѣдатель училищнаго совѣта отвѣчалъ: «Если хотите, чтобы мы разрѣшили вамъ школу, просите быть учредительницей и распорядительницей кого-либо изъ администраціи, хоть, напр., жену правителя канцеляріи губернатора Елизавету Ивановну Цвѣткову». Къ счастію, Е. И. Цвѣткова оказалась нашей хорошей знакомой и, кромѣ своего положенія въ обществѣ, казалась намъ хорошей и доброй женщиной. Въ то время она начала уже преподавать въ нашей домашней школѣ, хотя она и не была разрѣшенною. Но опять-таки—согласится ли она принять на себя званіе распорядительницы и учредительницы, являлось для меня вопросомъ... Ѣду я къ ней... Какъ ни было длинно мое предисловіе, оно нисколько не способствовало согласію—Е. И. отказалась наотрѣзъ.

Я не робѣла и вымолила-таки согласіе съ ограниченіемъ, впрочемъ: Е. И. соглашалась быть распорядительницею, но не учредительницею. Подали прошеніе, въ которомъ распорядительницей школы предполагалась Цвѣткова, а учредителемъ отецъ Стефанъ.

Прошеніе было возвращено—требовалось, чтобы и распорядительницей и учредительницей была Е. И. Цвѣткова. Отецъ Стефанъ долженъ былъ только «слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы». Я не знала, какъ мнѣ показаться на глаза Цвѣтковой, и, какъ на отчаянную мѣру, рѣшилась на обманъ.

Пріѣхавши къ ней, я весьма развязно развернула прошеніе и просила ее подписать свое имя, разсчитывая, что она не прочтетъ самаго прошенія, такъ какъ она читала уже его въ первобытномъ видѣ.

Минута была критическая—я невольно схватилась за сердце, которое, казалось, выскочитъ изъ груди...

Надежды мои не оправдались—Е. И. прочла прошеніе, и, несмотря на все свое добродушіе, поняла мой умыселъ и съ укоризной взглянула на меня.

Опять начался съ моей стороны рядъ моленій и доказательствъ и опять окончился благополучно...

Училищный совѣтъ разрѣшилъ намъ школу—дѣло стало за помѣщеніемъ...

А, между тѣмъ, время шло да шло—народу прибавлялось все больше и больше въ нашей тѣсной залѣ, я чувствовала, что еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я не вынесу ни этой работы, ни этихъ страданій...

За помѣщеніемъ намъ совѣтовали обратиться къ головѣ. Голова далъ разрѣшеніе. Мы явились съ нимъ къ смотрителю, завѣдующему училищемъ.

— Что мнѣ за дѣло до городского головы, — отвѣчалъ смотритель,—у меня есть свое начальство—попечитель!

— Но вѣдь домъ принадлежитъ городу?!.

— Ничего не значитъ!

Мы просили его Христомъ-Богомъ съѣздить къ попечителю. На другой день мы явились за отвѣтомъ.

— Ну, mesdames,—сказалъ смотритель тономъ соболѣзнованія,—вы меня не вините—я тутъ не при чемъ—попечитель сказалъ мнѣ: «Если хотите лишиться мѣста—отдайте помѣщеніе подъ школу». Вы сами посудите—я человѣкъ женатый, у меня дѣти!...

— Что же намъ дѣлать?!—сказала я, глядя на него, тономъ полнаго и глубокаго отчаянія...

Доброе сердце смотрителя, повидимому, отозвалось на этотъ вопль.

— Вотъ что я вамъ посовѣтую, — сказалъ онъ, — поѣзжайте къ генеральшѣ В. Попечитель у нихъ другъ

дома—просите ее быть попечительницей школы и оказать вамъ содѣйствіе у попечителя!

Ѣду къ В. Къ счастью, она весьма симпатично отнеслась къ моей просьбѣ и охотно вызвалась ходатайствовать. Причемъ, впрочемъ, попросила меня тутъ же написать ей списокъ участвующихъ лицъ.

Взявшись за перо и изображая дрожащей отъ волненія рукой званія и фамиліи нашихъ честныхъ труженицъ, я думала: «Боже мой! почему передъ каждой изъ васъ я не могу поставить какого-нибудь титула и оградить отъ участи быть вычеркнутой изъ списка».

На другой день В. передала мнѣ, что попечитель согласенъ и съ удовольствіемъ даетъ право на помѣщеніе. Мы поѣхали съ Е. И. сообщить объ этомъ смотрителю.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ онъ,—такъ вотъ я ему и повѣрю, онъ вамъ тамъ, барынямъ, говоритъ одно, а меня турнетъ послѣ съ мѣста. Привезите-ка мнѣ письменное удостовѣреніе!..

Ѣду опять къ В. Ѣдетъ она опять къ попечителю и привозитъ письменное удостовѣреніе. Это письменное удостовѣреніе хранится у меня до сихъ поръ при дѣлахъ школы. Везу я его смотрителю, убаюкивая себя сладостной мыслью, что, наконецъ, мои страданія кончены.

Смотритель взялъ бумагу, поглядѣлъ на нее пристально, сказалъ:

— Да! Это его рука!—и возвращая мнѣ добавилъ:—Вы желаете сдѣлать открытіе школы въ воскресенье, между тѣмъ, мнѣ говорили, что вы не имѣете диплома!

— Какъ диплома!?—сказала я, чуть держась на ногахъ.—Я думала, что необходимо только выхлопотать разрѣшеніе... Помилуйте, я восемь лѣтъ занималась обученіемъ дѣтей!..

— Это ничего не значитъ,—отвѣчалъ смотритель,—необходимо держать экзаменъ!

— Какой? у кого? изъ чего?

— При училищномъ совѣтѣ: изъ русскаго языка, ариѳметики и Закона Божія!

По случаю моего экзамена открытіе школы отложилось еще на мѣсяцъ.

Трепетно перебирая въ умѣ своемъ всѣ молитвы и заповѣди, шла я на экзаменъ.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли смотритель, священникъ и предсѣдатель училищнаго совѣта профессоръ Делярю.

Подойдя къ столу, я взялась за уголъ его, боясь упасть. Вѣроятно, предсѣдатель понялъ это и поспѣшно поставилъ мнѣ стулъ.

Я сѣла.

Мысль, что отъ каждаго моего слова зависитъ «быть или не быть», какъ-то болѣзненно давила меня, я чувствовала слезы въ горлѣ и готова была расплакаться.

Предсѣдатель очень развязно и очень учтиво попросилъ у меня позволенія курить, придвинулъ ко мнѣ нѣсколько стулъ и спросилъ голосомъ стараго знакомаго:

— Скажите, пожалуйста, какія руководства вы предполагаете ввести въ вашу школу, и какія именно матеріальныя и нравственныя средства имѣете ввиду?»

Этого вопроса довольно было, чтобы задѣть меня за живое и дать другое направленіе моимъ мыслямъ.

Забывши весь ужасъ экзамена, я съ жаромъ и увлеченіемъ стала разсказывать ему о нашихъ планахъ и мечтахъ.—Я видѣла передъ собою человѣка, нравственно заинтересованнаго дѣломъ — передо мною не было предсѣдателя.

Въ это время смотритель окончилъ какую-то бумагу, приложилъ къ ней печать и подалъ ее предсѣдателю.

— Это ваше свидѣтельство на право преподаванія!—сказалъ онъ мнѣ учтиво, передавая бумагу. Я чуть не заплакала отъ радости...

И теперь время отъ времени я гляжу въ шкатулку, чтобы справиться, цѣло ли оно—это свидѣтельство, такъ дорого оно мнѣ досталось...

Да, оно цѣло — его теперь никто, никогда не отниметъ отъ меня... но зато нѣтъ у меня прежняго здоровья, нѣтъ у меня прежнихъ силъ и... прежней энергіи, хотѣла было сказать я, но — это неправда! Она не покидаетъ меня, эта энергія, и, когда я говорю о школѣ, я чувствую себя здоровѣе и сильнѣе самаго здороваго и сильнаго человѣка...
